

ТИФЛИССКАЯ ВЪДОМОСТИ.

1830-го ГОДА.

Выходитъ два раза въ недѣлю: по Четвергамъ и по Субботамъ. Годовое изданіе составляетъ 104 нумера, полугодное 52.

Цѣна годовая: По сю сторону Кавказа 7 руб. сереб., по ту сторону 35 руб. ассигн.; полугодная: 4 р. сер. и 25 р. ас.

ВНУТРЕННІЯ ИЗВѢСТІЯ.

Тифлиссъ 12-го Сентября.

Съ каждымъ днемъ подтверждается надежда наша, что Холера прекратилась: уже нѣсколько дней вновь заболѣвающихъ не оказывается. Городъ нашъ получаетъ прежнюю живость: жители ежедневно возвращаются въ оный, лавки открываются и даже уже дозволена продажа фруктовъ.

— *Бака, 3-го Сентября.* Въ печеніе минувшаго Августа выпущено изъ Пакгаузовъ Бакинскій Таможни привезенныхъ изъ Персіи и мѣстъ Россіи принадлежащихъ разныхъ бумажныхъ, шелковыхъ, шерстяныхъ и запканыхъ золотомъ матерій и пр. на 61,115 р. 55 коп. ассигнаціями.

Санктпетербургъ, 25-го Августа. Высочайшими Грамошами, 2-го Августа, Всемилостивѣйше пожалованы знаки ордена Св. Анны первой степени, Императорскою Короною украшеннаго, Начальнику 23-й Пѣхотной дивизіи и Финскихъ войскъ, Генералъ-Лейтенанту Графу Шпеверъ-Шпейнгелю, и Члену Финляндскаго Сенаата, Дѣйствительному Спашскому Совѣтнику Лодо.

— Высочайшею Грамошою, 3-го Августа, Всемилостивѣйше пожалованъ кавалеромъ ордена Св. Владиміра 2-й степени большаго креста, Главный Командиръ Свеаборгскаго порта, Генералъ Лейтенантъ Шельшингъ.

— Высочайшими Грамошами, 6-го Августа, Всемилостивѣйше пожалованы Кавалерами ордена Св. Анны первой степени, Императорскою Короною украшеннаго, Начальникъ Липовской Уланской дивизіи, Генералъ-Лейтенантъ Володекъ, и Начальникъ 24-й пѣхотной дивизіи, Генералъ-Лейтенантъ Вишкинъ 2-й; того же ордена и степени, безъ Короны, Начальникъ Артиллеріи Опдѣльнаго Липовскаго Корпуса, Генералъ-Маіоръ Шушеринъ. С. П.

НОВОСТИ ЗАГРАНИЧНЫЯ.

Франція. Парижъ, 2го Августа. Повелѣніемъ 13-го числа составлена Коммиссія для распоряженія доходами и имуществомъ Королевскимъ (la liste civile). Она состоитъ изъ трехъ Членовъ: Пера Франціи Графа Моншаливе, и Депутатовъ де Шонена и Дювержье де Горанна.

— Новый Главнокомандующій Африканской экспедиціи, Генералъ Клозель, беретъ съ собою многочисленный Штабъ, въ коемъ находятся Генералы Делоръ и Ройе, и 29 офицеровъ.

— По извѣстіямъ, привезеннымъ изъ Африки на фрегатѣ Венерѣ, во дворцѣ Дея найдено только 55 милліоновъ. Вооруженные Арабы, послѣ удачнаго для нихъ бѣга при Блидѣ, являющіяся въ чешырехъ верстахъ отъ Алжира.

— Дей Алжирскій со свитою своею, состоящею изъ 110 особъ, въ числѣ коихъ 58 женщинъ, прибылъ 31-го Іюля въ Неаполь на Французскомъ фрегатѣ.

Турція. Константинополь, 2го Іюля. Порта получила извѣстія благоприятныя касательно Албаніи, и не опасается уже, чтобы Паша Скушарійскій дѣйствовалъ за одно съ мятежниками. Мустафа Паша увѣряетъ Порту въ вѣрности и покорности сего Губернатора. Верховный Визирь доноситъ также изъ главной кватирны своей, въ Монастырѣ, что онъ успѣлъ обратиться къ послушанію многихъ старѣйшинъ Албанскихъ съ ихъ войсками, заплативъ имъ причитавшееся жалованье, и что онъ надѣется и прочихъ обратиться къ порядку, посредствомъ мѣръ миролюбивыхъ, а въ случаѣ неудачи, силою. Между тѣмъ, Правительство продолжаетъ посылать въ Верховному Визирю войска, артиллерію и военные снаряды. Впрочемъ главнѣйшій недостатокъ состоитъ въ деньгахъ, необходимыхъ для удовлетворенія преувеличенными прѣбываніемъ Албанцевъ, въ уплату слѣдующаго имъ жалованья. Чрезвычайный налогъ, установленный въ столицѣ для сего, равно какъ для прикрытія другихъ, не менѣе важныхъ плащежей, простирается до 20 милліоновъ Турецкихъ піаспровъ, кои, однако же, трудно будетъ собрать, не взирая на то, что Вельможи и Министры должны внести 1500 кошелековъ золота, Улемы 900, разныя сословія по 30 и до 40 кошелековъ, и что банкиры въ столицѣ изъявили готовность заплатить 3000 кошелековъ.

— На сихъ дняхъ послѣдовали разныя перемѣны въ Правительствѣ и въ Министерствахъ. Между прочимъ бывший Губернаторъ Кесарійскій переведенъ въ Арзрумъ, а на мѣсто его наименованъ Беглербегъ Османъ Гаири-Паша. Бывшій Няга Бей, или Министръ Внутреннихъ Дѣлъ, Али-Неджибъ-Эфенди, наименованъ вчера Дефтердаремъ, или Министромъ Финансовъ, и смѣненъ Гади Эфендиемъ, Няга Беемъ и Рейс-Эфендиемъ лагеря, бывшимъ въ числѣ Полномочныхъ при Акерманскихъ конференціяхъ.

— Греческій Папріархъ Агаангело, состоявшій въ сей должности въ печеніе чешырехъ лѣтъ, получилъ 1го увольненіе. Митрополитъ Синайскаго монастыря, Діонисій, извѣстный разными учеными сочиненіями, единогласно избранъ на его мѣсто, и утвержденъ уже въ званіи Папріарха Портою, которая уволила его отъ взноса обычной при наименованіи въ Папріархи пошлины въ 100,000 гаспровъ.

— *Съ Сербской границы,* отъ 4-го Августа. На сихъ дняхъ прибылъ въ Землинскій карантинъ прикащикъ Ротшильдъ, кои, какъ извѣстно, вступали съ Портою въ переговоры по предмету займа. Впрочемъ Турецкіе Министры, не взирая на крайній недостатокъ Порты въ деньгахъ, отпринули всѣ сдѣланныя имъ предложенія, оказывая великое недоверіе и опасеніе по се-

му предмету, и говоря, что всякій заемъ служилъ только къ обремененію казны. По сему можно судить объ успѣхахъ ихъ по час-ти Политической Экономіи. С. П.

СОВРЕМЕННАЯ ИСТОРИЯ.

1. Речь, произнесенная Виконтомъ де Шато-Брианомъ въ Палатѣ Перовъ, 7-го Авг. 1830 года.

Милостивые Государя! Декларация, внесенная въ сію Палату, кажется мнѣ гораздо менѣе сложеною, нежели тѣмъ изъ Гг. Перовъ, которые придерживаются противоположнаго моему мнѣнія. Одно обстоятельство въ сей деклараціи вы-выскажется надъ всеми прочими или, лучше сказать, уничтожается оныя. Если бъ мы находились въ положеніи обыкновенномъ, то я безъ сомнѣнія разсмотрѣлъ бы рачительно перемены, которыя хотѣли сдѣлать въ Хартіи. Многія изъ сихъ переменъ были предлагаемы мною самимъ. Удивляюсь только тому, какъ могли предложить сей Палатѣ мѣру дѣйствующую обратно, касательно Перовъ, пожалованныхъ Карломъ X. Меня нельзя подозревать въ слабости къ симъ *гуртовымъ* производствомъ, и вамъ извѣстно, что я проинивился даже угрозамъ; что сія мѣра принята будетъ; но восплавишь насъ судьями нашихъ товарищей, исключая изъ списка Перовъ по произволу, когда только будешь имѣть достаточную для этого силу—это слишкомъ походить на изгнаніе. Хотѣли ли уничтожить званіе Перовъ? Пусть будетъ такъ: лучше лишиться жизни, нежели выманивать ее.

Упрекаю себя въ томъ, что употребилъ и сіи многія слова на постороннее обстоятельство, которое, при всей важности своей, исчезаетъ предъ величіемъ нынѣшнихъ дѣлъ: Франція не имѣетъ Правительства—и я смѣю разсуждать, что должно прибавить или убавить въ сизсахъ карабля, когда онъ лишень кормила! И такъ, устранивъ изъ деклараціи Палаты Депутатовъ все дноростепенныя обстоятельства, займусь исключительно объявленіемъ о дѣйствительномъ или мнимомъ ураздненіи прона, и прямо пойду къ цѣли.

Должно предварительно рѣшить вопросъ: если пронъ празденъ, то имѣемъ ли мы свободу избрать образъ нашего Правленія?

Не поднося еще короны кому либо, незлишне будетъ узнать, въ какомъ политическомъ образѣ устроимъ мы наше правленіе: учредимъ ли Республику или новую Монархію? Республика или новая Монархія дастъ Франціи достаточныя ручательства въ продолжительности, силѣ и спокойствіи?

Республикѣ прежде всего противятся самыя воспоминанія о Республикѣ. Сіи воспоминанія опниудь не изгладились: мы не забыли того времени, когда Смерть ходила по Франціи, опираясь на свободу и равенство.—Погрузясь въ покое безначаліе, можете ли разбудить исполна, спящаго на утесѣ Океана—который одинъ былъ способенъ изложить чудовище? Таковыхъ людей судьбы во всей Исторіи пять или шесть: чрезъ нѣсколько тысячъ лѣтъ потомство можетъ увидѣть другаго Наполеона; вы же его не ожидайте!

Король, назначенный Палатами, или избранный народомъ, всегда будетъ для насъ новизною, что бы онъ ни дѣлалъ. Теперь, я предполагаю, что у насъ хотѣли свободы, особенно свободы писанія, которою и для которой народъ одержалъ сію изумительную побѣду. Что жъ? Всякая новая Монархія будетъ принуждена, ранѣе или позже, обуздать сію свободу. Самъ Наполеонъ могъ ли допустить ея существованіе? Дщерь нашихъ бѣдствій, рабыня нашей славы, свобода писанія можетъ жить только подъ Правительствомъ, пустившимъ уже глубокіе корни. Не должна ли Монархія, незаконно произведенная кровопролитіемъ одной ночи, страшиться независимости и нѣпнй? Если одни могутъ проповѣдывать Республику, другіе иной образъ Правленія, не страшитесь ли вы не-

обходимости вновь прибѣгнуть къ законамъ исключительнымъ и чрезвычайнымъ, не смотря на извѣстныя въ Хартіи?

Что жъ тогда, вы, друзья законной свободы, выпираете при перемены, вамъ предложенной? Вы по необходимости впадете или въ Республику или въ законное порабощеніе. Потомъ законовъ демократическихъ, выступивъ изъ береговъ, уличитъ Монархію, или волненіе кро-коль низвергнетъ Монарха.

Въ первую минушу успѣха все кажется возможнымъ; надѣются удовлетворить всемъ требованіямъ, всемъ прихотямъ, всемъ пользамъ. Ласкаются мыслию, что всякъ оставитъ въ спорѣ личныя свои выгоды и тщеславіе; воображаютъ, что сила просвѣщенія и мудрость Правительствъ превозмогутъ все безчисленныя препяшствія; но чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ аргумента докажутъ всю ничтожность теорій.

Представляю вамъ, Мн. Гг., только нѣкоторыя неудобства, сопряженныя съ образованіемъ Республики или новой Монархіи. Если та и другая неразрѣзаны съ опасностями, остается претше среднѣю, и оно спонитъ то-го, чтобъ сказать о немъ нѣсколько словъ.

Ужасные Министры осрамили корону; они старались убійствомъ поддержать нарушеніе доброй вѣры; они играли и присягами, данными Небу, и клятвами, произнесенными для дѣйствіаго свѣта.

Иностранцы, двукратно безъ препятствій вступившіе въ Парижъ! Узнайте истинную причину вашихъ успѣховъ: вы являлись во имя законной власти. Если бъ вы подошли нынѣ, думаете ли, чтобъ врата столицы просвѣщеннаго міра шакъ же легко предъ вами отворились? Поколеніе Французовъ выросло со времени вашего опшесствія: четырнадцатилѣтніе опроки наши суть исполнены.

Крзь X и сынъ его лишились прона или опказа-лись, называйте, какъ угодно; но пронъ не празденъ: за ними идетъ младенецъ—можно ли обвинять его невинность?

Какая кровь нынѣ вопіетъ противъ него? Осмѣлились ли сказать, что кровь отца его? Сей сирота, воспитанный въ училищахъ отечественныхъ, въ любви къ нашему образу Правленія, и въ понятіяхъ своего вѣка, могъ бы сдѣлаться Царемъ, какого потребуетъ будущее время. Хранитель и опекунъ его долженствовалъ бы присягнуть въ исполненіи деклараціи, предложенной на наше сужденіе; достигнувъ совершеннолѣтія, юный Монархъ возобновилъ бы присягу. Нынѣшнимъ, дѣйствительнымъ Королемъ былъ бы Герцогъ Орлеанскій, Регентъ Королевства, Принцъ жившій посреди народа, и знающій, что въ нынѣшнее время Монархія должна основываться на общемъ согласіи и на разсудкѣ. Сіе естественное распоряженіе, кажется мнѣ, было бы лучшимъ средствомъ къ примиренію, и можетъ быть, предохранило бы Францію отъ сдѣланныхъ, сопряженныхъ съ насильственными перемеными въ Государствѣ.

Сообразно ли съ разсудкомъ говорить, что сей младенецъ, разлученный съ своими наставниками, не забудетъ даже именъ ихъ до возмужалости своей; что онъ останется напитанъ нѣкоторыми врожденными правилами послѣ долговременнаго національнаго воспитанія, послѣ грознаго урока, низвержнаго въ двѣ ночи двухъ Королей?

Ни по прищорной приверженности, ни по нѣжности кормилицыной, передаваемой въ пеленахъ отъ колыбели Св. Лудовика до колыбели юнаго Генрига, вступаюсъ я за дѣло, въ которомъ все вновь обратилось бы противъ меня, если бъ оно восторжествовало. Я не имѣю въ виду ни романа, ни рыцарства, ни мученичества. Не ссылаюсъ и на Хартію. Запнствую мысли мои свыше—изъ круга любомудрія, изъ той эпохи, въ которую гаснетъ жизнь моя, предлагаю Герцога Бордоскаго, просто, какъ лучшую необходимость противъ той, о которой у насъ толкують.

Знаю, что удаленіемъ сего младенца хотѣли утвердить правило державности народа—безумство старой школы, свидѣтельствующее, что, въ опшесствіи къ полнннн, наши прескаръные демократы не болѣе сдѣлали

успѣховъ, какъ и поборники Короля; но теперь не мѣсто и не время читать кутерь Полишкн.

Ограничусь замечаніемъ, что народъ, располагая пронами, часно располагать и свободою своею; прошу усмотрѣть, что правило монархическаго наследованія предпочтено опытному правилу Монархіи избирательной. Причины сего столь очевидны, что я не имѣю нужды разбивать ихъ. Вы избираете Короля сегодня. Кто запретитъ вамъ избрать другого завтра? Законъ, отвѣчаете вы. Законъ? А вы же и составляете законы!

Вопросъ этотъ можете вы рѣшить еще легче, сказавъ: мы не хотимъ имѣть старшей линіи Бурбоновъ. А почему не хотимъ? Потому, что побѣда на нашей сторонѣ; мы воспоржествовали въ дѣлѣ правохъ и святохъ: подызуемся сугубымъ правомъ завоеванія.

Очень хорошо: вы провозглашаете владычество силы. Но тогда рачительно храните сію силу, ибо, если она чрезъ нѣсколько времени ускользнетъ у васъ, вамъ нельзя будетъ и жаловаться. Такова природа человѣка! Самые просвѣщенные, самые правдивые люди не всегда возносятся выше успѣха. Они первые взывали къ законамъ противъ насилія; защищали законы сіи всѣмъ могуществомъ своего палатина, и въ то время, когда истина ихъ рѣчей доказана самымъ гнуснымъ злоупотребленіемъ силы и низпроверженіемъ сей сакой силы, побѣдители хвастаются оружіемъ, ими самими сокрушенное. Опасные обломки сіи израняютъ ихъ руки, но имъ не помогутъ.

Я перенесъ бѣи на поприще моихъ противниковъ; я не удался во времена прошедшія, подъ древнее знамя почившихъ поколѣній, подъ знамя не безславное, но повисшее вдоль по древцу, ибо дыханіе жизни его не развиваетсяъ. И разрывъ прахъ прирцдани пяти Капешовъ, не найду довода, который бы захотѣли выслушать. Идолоклоненію предъ именами исчезло: Монархія есть уже не религія, а образъ правленія, предпочтительный въ сію минуту всѣмъ другимъ, ибо онъ лучше другихъ водворяетъ порядокъ въ свободѣ.

Самецомъ долго упомалъ я, подобно тщетной Кассандрѣ, шронъ и Перовъ своими предвѣщаніями: они опринуны съ презрѣніемъ. Оспаются мнѣ одно: сѣсть на обломкахъ, выброшенныхъ караблекрушеніемъ, давно уже мною предсказаннымъ. Несчастіе имѣннхъ различныя силы, но не имѣетъ силы распоргнуть мою присягу въ вѣрности. Къ тому же долженъ я спараться, чтобы жизнь моя была непзвнна: послѣ всего того, что я дѣлалъ, говорилъ и писалъ въ пользу Бурбоновъ, я былъ бы подлѣйшимъ изъ подлцовъ, если бы ошрелся отъ нихъ въ то время, когда они, въ третій и послѣдй разъ, идутъ въ изгнаніе.

Предоставляю боязнъ снмъ великодушнымъ ролнстамъ, которые никогда не жерпвовали ни копѣйкою, ни мѣстомъ своему праводушію, снмъ цоборникамъ алшара и шрона, которые недавно еще называли меня ренегатомъ, отступникомъ и мятежникомъ. Благочестивые орапоры! Ренегатъ призываетъ васъ. Прійдите, промолвите съ нимъ слово, одно слово въ защиту несчастнаго Государя, который осыпалъ васъ дарами, и котораго вы погубили! Изобрѣтатели мѣръ противозаконныхъ, проповѣдники законодательной власти—гдѣ вы? Вы скрываетесь въ грязи, изъ которой храбро высовывали головы свои, для произнесенія клеветъ на истинныхъ слугъ Короля: нынѣшнее ваше беззавіе достойно вчерашнихъ рѣчей. Естественно, что всѣ сіи храбрые рыцари, которые своими подвигами и предпріятіями причинили изгнаніе потомковъ Генрика IV, шрепещутъ пылѣ, прикрываясь шрехцвѣтною кокардою. Ся кокарда защититъ ихъ лица, но не прикроетъ ихъ подлости.

Скажу, что выражая откровенно мысли свои на сей каедрѣ, я отнюдь не думаю, что поступаю какъ герой. Мы живемъ не въ тѣ времена, когда изъявленіе своего мнѣнія стоило жизни; но если бы теперь былъ тѣ времена, я говорилъ бы во сто кратъ громче: лучшей щипъ есть грудь, которая не страшится открытая противу-стать врагу.

Далека отъ меня мысль заронить сѣмена раздора во Франціи: по сей причинѣ я не употребилъ въ своей рѣчи

языка страстей. Если бы я въ душѣ моей былъ увѣренъ, что для обезпеченія спокойствія прирцдани прехъ мнѣ ліоновъ чловѣкъ, должно оставить младенца въ бездѣльных и счастливыхъ рядахъ общества, то снншалъ бы пресшуденіемъ выговорилъ слово, противное нынѣшнимъ нуждамъ; но я не пишу сей увѣренности. Если бы я имѣлъ право располагать короною, то охотно повергъ бы ее къ стопамъ Его Высочества, Герцога Орлеанскаго. Но я не вижу празднаго шрона: вижу праздную гробницу въ Соборѣ Св. Діонисія.

Какова бы ни была судьба, ожидающая Его Высочество, Намѣстника Королевства, я никогда не буду ему врагомъ, если онъ даруетъ счастье моему отечеству. Я желаю сохранить только свободу моей совѣсти, и право умереть вездѣ, гдѣ найду независимость и спокойствіе.

Подая голосъ противъ деклараціи."

Палата Перовъ опредѣлила напечатать рѣчь сію. Оцаи, сказано въ Journal des Débats, была выслушана съ благоговѣйнымъ вниманіемъ. Мнѣнія присутствующихъ были различны, восторгъ ихъ единодушенъ. Франція приметъ участіе въ сихъ чувствованіяхъ Палаты Перовъ, и оцѣнитъ по достоинству сіи благородныя движенія души, сію величественную независимость отъ людей и прошествій. Изъ Сѣв. Пг.

КОРРЕСПОНДЕНЦІЯ.

ПИСЬМА ИЗЪ ОСЕТИИ

Письмо III.

Теперь, Любезной Другъ, раскрою предъ тобою картину ужаснаго происшествія! Жаль, что всѣ дѣйствующія лица, оказавшія въ семъ случаѣ удивительную храбрость и необыкновенное самоотверженіе, были ожесточенные и давно преслѣдуемые законами разбойники.

Въ то время, когда мы снншали предупредить непокорныхъ горцевъ на сннжныхъ хребтахъ Кавказа, чрезъ вершину Керикомскаго ущелья, Кешельскіе Осетины, около шришцами чловѣкъ, изъ роду называемаго Кочи-Швили, принадлежащаго такъ же къ числу первѣйшихъ горскихъ злодѣевъ, 21-го Іюня засѣли въ укрѣпленномъ замкѣ, находящемся при селеніи Коллѣ. При наступленіи никаго и пріятнаго вечера, мы увидѣли предъ собою сіе пагорное селеніе или, лучше сказать, гнздо жестокихъ и отчаянныхъ Кавказскихъ разбойниковъ. Я едва примѣтилъ оное: вниманіе мое устремлено было на красоты природы и заходящее солнце, которое послѣдними своими лучами казалось лобзало давно знакомые ему прехъ гранные штыки наши и отражало отъ нихъ ослѣпительное свое блистаніе.—Такъ, Другъ мой!—Въ какихъ спрвахъ тоже самое солнце не освѣщало Россійскаго оружія? Палачее свѣтло недавно еще закаляло оное въ знойныхъ равнинахъ Персіи. Лучи его отражались отъ полированной стали нашей, при кровавыхъ битвахъ подъ Варною и Ахалдихомъ. Они сіяли надъ нею на водахъ средиземнаго моря, въ заревѣ Наваринской битвы, на древнихъ Іоническихъ и Понть-Эвксинскихъ водахъ, въ долинахъ Молдавскихъ и Валахскихъ; на высотахъ недошуппаго Балкана и на пустынныхъ берегахъ классическаго Евфраша и наконецъ, величественно освѣтивъ наше оружіе на гордыхъ стѣнахъ Андрианаполя и Эрзерума, навсегда отразили отъ онаго, блистательную славу великихъ подвиговъ, свершенныхъ сынами великой Россіи.—Въ сумракъ вечера, мы не могли достигнуть Коллы, а потому и остановились лагеремъ недоходя оной. Но едва только мрачная ночь сокрыла отъ глазъ нашихъ, подъ чернымъ покровомъ своимъ, всѣ красоты и ужасы Кавказской природы, какъ вдругъ багровое пламя съ шпрескомъ взвилось къ небесамъ надъ Колою и ярко освѣтило окрестности. Разбойники, опасаясь нападенія со стороны нашей, зажгли близъ-лежація къ замку шпроенія, надѣясь пожаромъ оградить себя отъ нечаяннаго нападенія. Они не полагали, что сіе губительное пламя, возженное ими, предзнаменуетъ будущую ихъ жестокую участь.

Мнѣ кажется, что я предупредилъ тебя. Любезный Другъ, во второмъ моемъ письмѣ, что не стану описывать ниши военныхъ происшествій, а потому быстро буду переносить тебя изъ одного мѣста на другое и рассказывать кратко, только въ произшествія, которые относятся собственно къ Кавказской странѣ и къ характеру полудикихъ и мятежныхъ ея обитателей.

Въ самой вершинѣ Кешельскаго ущелья вдаются въ западный его край два боковыхъ или побочныхъ ущелий, именуемыхъ Керп-комъ и Саки-Фенусъ. Отъ нихъ въ первый истокъ рѣчки Пацы, выходящей изъ Зикаро, вливаются два порядочные бысротока. Отъ Коллы мы слѣдовали къ вершинѣ перваго ущелья, 22-го Юня достигли высочайшихъ Кавказскихъ вершинъ и наконецъ спустились съ нихъ обратнo въ Кешельское ущелье.

Генералъ-Маіоръ Ренненкамфъ къ заставлѣннѣ разбойникамъ въ укрѣпленномъ замкѣ при селеніи Колла не однократно посылалъ отъ себя надежныхъ людей съ увѣщаніями: положиши оружіе и принеси покорность нашему Правительству. Но упорные и закоренелые въ преступленіяхъ злодѣи всякій разъ отвѣчали одно и тоже, что они скорѣе всѣ погребутъ себя подъ развалинами своего замка, нежели согласятся измѣнить своимъ наклонностямъ, и наконецъ, 26-го Юня, дерзнули встрѣпшнсь наглнми насмѣлками и ружейнымъ огнемъ людей, посланныхъ отъ насъ къ нимъ за рѣшительнымъ отвѣтомъ. Послѣ сего буйнаго поступка болѣе ничего неоставалось дѣлать, какъ силою оружія наказатъ ихъ и принудитъ къ покорности.—Неистовые мятежники, потерявъ убитыми болѣе половины своихъ товарищей, не мыслили о пощадѣ; но пѣли пѣсни и не преставали опчаянно защищаться, въ высокой каменной башнѣ, противу части нашего отряда. Съ наступленіемъ ночи, дабы положить скорѣе конецъ столь упорной и необыкновенной борьбѣ, башню разбойниковъ безъ малѣйшаго шума поспѣшно обложили огромными кострами сухихъ дровъ, которыхъ, по данному знаку, въ одно мгновение воспламенили со всѣхъ сторонъ. Яркое пламя, раздуваемое вѣтромъ, быстро взвилось по стѣнамъ башни, достигло ея вершины и обхватило деревянную на ней пристройку; но ошашокъ мятежниковъ не думалъ о покорности.—

Пламеняющія перекладныя одна за другою, вмѣстѣ съ крышею, падали во внутренность башни. Среди удушящаго дыму, среди палящаго огня, ожесточенные не преставали упорствовать и сопротивлялись!—Толстыя двери башни изшлѣли и яростное пламя хлынуло во внутренность оной, и чрезъ разрушенную крышу начало извергаться съ сильнымъ прескомъ и шумомъ. И въ сей бѣдственной крайности опчаянные горцы не думали просить о пощадѣ, но бросивъ къ намъ окровавленную рубаху, на канунѣ убитаго ими переводчика, прѣзжавшаго въ отрядъ, съ дикимъ воплемъ воскликнули: „вотъ кровь, которую заранѣе пролили мы, въ отмщеніе нашей крови!“ И тѣмъ дали знать, что они не желаютъ пережить товарищей своихъ, и въ остервененіи, стараясь дорого продать жизнь, съ дикимъ и неистовымъ самоотверженіемъ, съ обнаженными кинжалами въ рукахъ, начали бросаться чрезъ амбразуры изъ раскаленной башни на нашихъ воиновъ, и произнесенные штыками падали мертвыми. Одинъ только изъ числа сихъ несчастныхъ защитниковъ преступной свободы сохранилъ жизнь свою, спустившись къ намъ по веревкѣ изъ башни и предавъ себя добровольно въ наши руки.

За чѣмъ, Другъ мой, сія горды были жестокіе грабители и смертоубійцы? За чѣмъ не могли они принадлежать къ числу благородныхъ и великодушныхъ неприятелей нашихъ. Тогда не успѣдился бъ я смѣло сравнить ихъ, съ тою горстію храбрыхъ Спаршанъ, которые такъ великодушно въ Фермовильскомъ проходѣ, противу несмѣтныхъ полчищъ Керкса, пожертвовали жизнью своею за свободу Греціи. Тогда бы сдвнжшгося намъ въ пльнѣ Осетина я уподобилъ

бы Аристодему и могъ бы издѣяться, что подобно сему древнему воину, онъ современнѣ испунитъ въ глазахъ отечесннва Геройскими подвигами преступное своей жизни.

Селеніе Колла заключало въ себѣ двѣнадцать разбойничьихъ домовъ, тѣсно между собою расположенныхъ въ полуверстѣ отъ праваго берега рѣчки Пацы, на крутомъ полугоріи западнаго края, прорѣзанномъ глубокимъ и тѣснымъ оврагомъ, по дну коего въ рѣчку Пацу стрѣмился быстрый и довольно большой протокъ. По западную сторону сего селенія, была выстроена большой, каменный четырехъ-угольникъ, въ видѣ рѣдша, съ нѣсколькими перегородками и башенками; на одномъ же углу воздвигнута была въ три яруса, четырехъ же угольная башня съ бойницами и амбразурами, складенная весьма прочно изъ дикаго камня, на хорошей извести, имѣвшая на вершинѣ своей деревянную надстройку, въ родѣ мезонина, съ дощатою кровлею. Перпендикулярная высота сей башни простиралась на семь почти саженей, и для сообщенія съ редутомъ, съ южной стороны, находилось въ ней небольшое отверстіе, возвышенное отъ земли на восемь фуновъ, затворенное толстыми дверьми, и изнутри заваленное большими камнями. Въ сей-то башнѣ до 50 человекъ опчаянныхъ разбойниковъ, запасшихъ съ избыткомъ различными жизненными припасами и боевыми снарядами, съ Спаршанскою твердостью и упорствомъ, защищались около сутокъ противу части нашего отряда.

Паденіе и истребленіе Коллы съ ея замкомъ сильно подѣйствовало на Осетинъ: они считали сіе селеніе изъ числа самыхъ крѣпчайшихъ мѣстъ во всей Осетіи; а потому почти каждый родъ, оставляя упорство, спѣшилъ принести покорность свою и выдать Аманашовъ. Генералъ смнривъ такимъ образомъ буйныхъ Кешельскихъ и поставивъ надъ ними Мурава или Присава, двинулся съ отрядомъ своимъ, для устройства порядка въ Дларскомъ ущелье. Безрамотные Осетины Юля 1-го, собрались во множествѣ къ Генералу и принесли ему бумагу, будпо бы данную имъ въ родѣ похвальнаго листа за ихъ крошкующую жизнь, отъ бывшаго въ Грузіи Главнокомандующаго, безсмертнаго Князя Циціанова. Мы развернули сію Хартію и что же увидѣли? Это было прошеніе, 1805 года Марта 24 дня поданное Циціанову отъ Осетинскихъ обществъ, въ которомъ они умоляютъ, возрѣть на нихъ милосиво и облегчить участь плѣнниковъ отъ нихъ захваченныхъ и содержимыхъ подъ стражею въ городѣ Горіи. Князь Циціановъ сіе прошеніе возвратилъ имъ съ слѣдующею собственноручною лаконическою и достопримѣчательною надписью: „Вы дерзали грабить и коварнымъ образомъ убивать воиновъ Его Императорскаго Величества; по подобную участь и сами будете имѣть. Идите вашего жребія!“

Грозное имя Циціанова по сіе время повторяется съ трепетомъ въ мрачныхъ ущелинахъ горъ буйными сынами Кавказа.

ДЕНЕЖНЫЙ КУРСЪ ВЪ ТИФЛИСѢ, съ 10-го по 13-е ч. Сент.

	Самый высокій.		Самый низкій.	
	чер.	руб. коп.	чер.	руб. коп.
Сто рублевая ассигн.				
— на Серебро	26	75	—	26 70
— на Голандск. чер .	9	— 6½	9	— 6
Голандск. чер. на сер.	—	2 96½	—	2 96
Имперіаль на сер.	—	10 15	—	10 10
Полуимперіаль на сер.	—	5 7½	—	5 6
Голандскій чер. на мѣдъ	—	10 97	—	10 95
Споруubl. асс. на мѣдъ	—	98 97	—	98 79
Серебр рубль на мѣдъ	—	3 70	—	3 70

92